

Ах, Василий Макарыч, какое дивное место изобразили для жизни твои предки! На горе Пикет стоит, словно на небе. У подножия Пикета катит река Катунь свои быстрые волны, вокруг и до горизонта раскинулись селения, поля, леса и далекие горы. Хорошее место для жизни, для созерцания, для труда и молитвы. А какой памятник тебе здесь воздвигли! Сидишь ты, из бронзы, на каменном постаменте, будто на земле, смотришь вдаль, на родные Сrostки – всё как в последнем кадре из своего фильма «Глечки-лавочки».

К тебе стекаются русские люди, да и не только русские, кланяются в пояс, вспоминают добрым словом твои книги и фильмы. А на памятнике на века начертано – «Василию Макаровичу Шукшину с любовью русские люди». Говорят, когда готовились ставить памятник, скульптору Клыккову кое-что советовал сменить надпись. Мол, почему только русские? А Вячеслав Михайлыч отвечал: «Пусть другие национальности создают свои памятники Шукшину, которые от себя и подписывают».

Непроста судьба этого памятника. Хотели местные власти, ни копейки не давшие на его создание и перевозку, памятник то там, то здесь поставить. Вспомнили, что на Пикете скрыты сrostкинские поселения эпохи палеолита... Мол, Пикет – охраняемая земля и сама по себе – памятник природы. Даже местные жители в большинстве были против, заявив, что гора начнёт осыпаться, и грунт «попылвёт». Решено было установить памятник Шукшину в трёхстах метрах от придорожного рынка, там, где одна из улиц Сrostок пересекается с Чуйским трактом. И тут Вячеслав Клыкков открыто всем заявил, в том числе и тогдашнему губернатору Алтайского края Михаилу Евдокимову: «Или вы решаете проблему, и установите памятник на том месте, которое первоначально задумано, на горе, или он будет установлен на одном из утёсов Волги, недалеко от Самары, откуда родом предки Шукшина...».

Все вопросы разом решились. Кто же поучаствовал в судьбе этого грандиозного памятника русскому писателю, на открытии которого Вячеслав Клыкков сказал, что Шукшин – есть воплотившийся исторический лик русского народа?.. Высота его вместе с постаментом пять метров, а весит бронзовый Шукшин 20 тонн! Такого Шукшина поездом в Алтайский край отправить не удалось. Выехал из Москвы памятник на двух тягачах, в окружении милицейского эскорта, 18 июля 2004 года. И установили его в дни, когда Василию Макаровичу исполнилось бы 75 лет, а селу Сrostки – ровно два века.

Есть у памятника свой радатель – Сергей Павлович Козубенко – известный православный общественный деятель, предприниматель и благотворитель. Сергей Павлович, не

так давно отметивший 70-летие, родом из Сибири, из Омской области. У сибиряков – широкая душа. Мама Сергея Павловича, учительница русского языка и литературы, наставляла в детстве: «Сынок, если есть чем поделиться и помочь, помогай людям!».

Странные люди – чиновники! В 2014 году они проигнорировали желание Козубенко передать памятник в дар селу Сrostки. В тот год Василию Макаровичу исполнилось бы 85 лет. На «Шукшинские чтения», финал кото-

Александр
АНАНИЧЕВ

«Просто я люблю людей...»

В Сrostки – в команде Сергея Козубенко

ры, по обычаю, проводится на горе Пикет, как всегда, съехалось много гостей. Был на горе Пикет в то время и Сергей Павлович. За месяц до праздника он отправил письмо в администрацию Алтайского края со своим предложением – передать селу Сrostки памятник в дар. Ведь до сих пор многие земляки писателя не ведают, что администрация Алтай не участвовала в грандиозном проекте установки памятника своему земляку! Но тогдашний губернатор Алтайского края

А.Карлин не вызвал мецената на трибуну – видимо, нашлись те, кто умышленно не сообщил о важном госте, прибывшем в Республику с благими помыслами.

«Я хотел поздравить алтайцев с 85-летием Шукшина, вспомнить скульптора Клыккова

и вручить дарственный на памятник... Но, увы... К моему намерению остались равнодушны. Слова мне не дали, озвученное мое желание никак не прокомментировали...» – грустно признался мне Сергей Павлович.

Все это, повторюсь, очень странно. Алтайские чиновники не хотят принять подарок, стоимостью в миллион евро... Или понимают, что памятник от них уже никуда не денется – ведь к памятнику проложена нарядная тропа.

В июле 2024 года я оказался в команде Сергея Козубенко, прибывшей на Алтай. Почему это случилось? Сергей Павлович – помогает всем. Строит церкви, воздвигает памятники (недавно им был открыт памятник Василию Белову на родине писателя), издает книги. Сколько писательских проектов реализовано им! В том числе издание многотысячными тиражами книг о Специальной военной операции, в подготовке которых отметились наш Союз писателей России. Ежегодная пре-

мисия Союза писателей «Слово», премия им. Ершова «Конек-горбунок», издание журналов, финансирование документальных фильмов и телепрограмм... Вот и отправился я к Шукшину вместе с близкими друзьями Сергея Павловича, среди которых отмечу четырех-

кратного олимпийского чемпиона Александра Тихонова, московского священника Ростислава Ярему и, конечно, Сергея Геннадьевича Ромашенко – генерального директора ООО «Мясницкий ряд», который не один десяток лет вместе с Сергеем Павловичем ведёт предпринимательскую деятельность... Кстати, во время нашего путешествия по Алтаю мы навестили родное село Сергея Ромашенко – Луговое, где он поставил церковь из красного кирпича и больницу для своих земляков.

Хороша церковь! Уютно в ней и слегка прохладно. Отец Ростислав совершил молебен и окропил всех собравшихся святой водою. Затем мы подарили книги местной библиотеке и отправились в поле на ярмарку. На сцене выступали местные самодельные коллективы, а вокруг шумела ярмарка с беляшами и драниками, стерляжьей ухой и дымящимися пловом, деревянными игрушками, сувенирами, шашлыками и знаменитыми алтайскими пирогами.

Вдруг набежала грозовая туча. И десятки людей устремились, прячась от дождя, в наш шатёр, где стояли широкие столы со всякой снедью и разливался по стаканам деревенский самогон. Сергей Павлович, как Ной в своем ковчеге, над которым громыхал

Лишь когда смотрела на золотой волос, напоминающий о колосьях в поле, сотворила героиня «свят-молитву» и «отпустила душу» – то есть освободилась от забот, предав себя воле Божьей. Когда же смотрела на серебряный волос, о котором напоминали ей «месяц, зимний снег и седина разумных», перекрестилась и «облегчила душу» – то есть попросила прощения за прошлое. Перед странным волосом, в котором играло синее с зелёным, закрыла глаза и затворила душу – будто иконописец, сосредоточенный на своей задаче.

К слову, в стихотворении заключён и образ художника-творца, крайне опрошенный и сниженный автором совершенно сознательно, дабы патетика земного творчества не заслоняла размышления о человеке как таковом.

Третий волос – самый загадочный, его цвет меняется, видимо, в зависимости от внешних действий и слов. Чёртёнок, что «прошмыгнул между хвалой и славой», цапаает зелёную нить, и она темнеет. Однако, по существу, именно «заблудшая воля» героини «чернит» ангельский подарок. Таинственный волос игрой своих оттенков похож на описание Древа познания добра и зла в поэме Кузнецова «Рай»:

гром и сверкали молнии, радовался каждому пришедшему. Откуда ни возьмись, взялась гитара – и зазвучали любимые песни про «Катюшу», «Тёмную ночь», «Звезду по имени Солнце»...

Но я слегка опережаю события... Приземлившись в Барнауле, наша команда после небольшого отдыха отправилась в Барнаульскую епархию. Митрополит Сергей сам провел экскурсию по небольшому двухэтажному зданию епархии, показал домовую церковь. В этой церкви Сергей Козубенко передал митрополиту икону Николая Чудотворца с частицей святых мощей.

На другой день состоялся выезд в Бийск. Этот город на реке Бия называют воротами Алтая. В центре Бийска открылся Большой книжный фестиваль, организованный главным литературно-художественным журналом Алтая «Бийский вестник» во главе с Валерием Васильевичем Буланичевым. Оказывается, издается журнал также на деньги Сергея Павловича Козубенко! Удивительно, сколько успевает этот человек!

Когда я вышел на высокую сцену, слегка оробел. В первом ряду – митрополит Сергей, рядом с ним один из лучших спортсменов XX века Александр Тихонов... Я начал своё почти часовое выступление с песни о Русских людях. Там есть такие слова:

Среди получающих прибыль в валюте,
Среди государевых псов и пройдох,
Дай Бог вам не вымереть, русские люди,
Дай Бог устоять вам, как прежде! Дай Бог...
Кстати, именно эти слова вспомнил потом в разговоре со мной владыка Сергей.

– К сожалению, русских людей становится меньше, – вздохнул он...

А потом были Сrostки... На горе Пикет громыхал очередной фестиваль памяти Шукшина, своё начало взявший с 1976 года. Шукшинские дни на Алтае, по обычаю, завершались именно здесь. Здесь прозвучало имя победителя Шукшинского кинофестиваля...

Доць писателя Мария, прибывшая на родину отца со своим сыном Фотием, почти полчасца цитировала со сцены «До третьих петухов»... Фотий говорил о большой ответственности носить фамилию деда... Из почётных гостей фестиваля был наш Владимир Крупин, с которым я тепло обнялся на Пикете, а также иркутский прозаик Андрей Антипин...

Кто только не поднимался на высокую сцену горы Пикет! Сценаристы, режиссёры, чиновники... Даже актёр, радиоведущий и поэт в одном лице по фамилии Вадим Жук взлетел на подмостки. Только не было там опять Сергея Козубенко.

В самолёте я задал Сергею Павловичу вопрос – как ему удаётся всем помогать и быть всегда ровным в общении с разными людьми?

– Вы даже чиновников алтайских не критикуете, толерантно называя их поведение «странным»...

– Он мне ответил, слегка улыбаясь:

– Просто я люблю людей.

Мудрый, христианский ответ. Если бы каждый из нас мог так о себе сказать...

зом, богатство красок в результате духовного падения героини сужается, а в пределе – стремится к черноте. Она уже была показана вначале в образе земной нитки на фоне белой холстины – как символ нелёгкой и скудной жизни. Девичьи очи в слезах не видели этой земной нити. «Глаза счастливые» в упоении «хвалы и славы» и в отречении от ангельской помощи не различают уже нить небесную, в которой частично погашен цвет: «...и цапранул по зелёной нитке. / Где цапранул, там и след оставил, / Где цапранул, там и потемнело...».

В стихотворении скрыто присутствует постоянно возобновляющийся роковой цикл: человеческая кручина; божественный дар; ангельская помощь; просветление жизни; человеческая гордыня; потемнение жизни; почти неизбежная будущая кручина.

Словесно волшебный сюжет выписан Кузнецовым филигранно, смысловые переклички прописывают стихотворение повсеместно. Вместе с тем, необходимо сделать некоторые оговорки.

В традиционном народном костюме чёрный цвет не несёт однозначно негативного оттенка, напротив – это краски земли-кормилицы. Помимо отсылки к тьме, печали, отрешению и даже трауру, в нём содержится символ покоя, постоянства, плодородия. У Кузнецова в определении нитки, которой вышивает девка белую холстину-рубашку определение «чёрная» заменено характеристикой «тёмная». При этом не подвергается сомнению народная символика цвета, прикреплённая к земному распорядку и к одушевлению природных сил. Поэт поднимает взгляд вверх – и в сопоставлении небесного начала с земным показывает «тёмное» как опрощенное до смертного предела «светлое». Как одну из примет отпадения человека от Бога, и земли – от неба, как знак слепоты земного счастья.

Это почти впрямую подчёркнуто совпадением первой строки «Узоров» с началом лермонтовского «Ангела» («Светлый ангел пролетал по небу...» – «По небу полночи ангел летел...») и совпадением духовного акцента стихотворения Кузнецова с заключительными строками шедевра Лермонтова: «И звуков небес заменить не могли / Ей скучные песни земли».

Говоря о печальной цикличности событий, показанных у Кузнецова, стоит иметь в виду их некую временную привязку: это случилось однажды, и с тех пор в мире что-то безвозвратно изменилось? Но тогда можно сказать, что до описанных событий человеческая жизнь была более высока, чем в дальнейшем, после того как «зелёная нитка» «потемнела». В этом случае земная история предстает как неудержимое стремление к апокалипсическому финалу.

Однако мы знаем, что есть на свете необъяснимая удерживающая сила. Её олицетворением является и кузнецовский Ангел, который, откликаясь на кручину человека, вносит в мир светлую поправку и, образно говоря, тормозит его сползание во тьму.

Прежде и потом в духовном отношении происходило нечто подобное кузнецовской истории. Она множится в слоях времени и присутствует в нём всегда – как развёрнутый образ человека, беспомощного в отсутствии Бога, самонадеянного в чудесном успехе и слепого в конечном и эгоистичном земном счастье.

вало мистические мировые струны, пронизывающие наше бытие и нашу очевидную жизнь.

Стихотворение «Узоры», написанное в 1998 году, есть отголосок библейского сюжета о первом грехе. Его можно назвать дальним прологом к кузнецовским поэмам о Христе. Примерно таким же, как стихотворение «Красный сад» – интонационный пролог к незавершенной поэме «Рай», о чём вскользь упоминал и сам автор.

В «Узорах» показано, что ветхозаветное падение происходит постоянно, будто эхо, повторяющееся в веках. Хотя смысловое зерно сказочной истории отодвинуто на второй план и, по видимости, теряется в неординарных коллизиях происходящего.

Сидя на крылечке, девка вышивала тёмной ниткой на белой холстине «тайные де-

«Зелёная нитка» Вячеслав Лютый

Дальний пролог к поэмам Юрия Кузнецова о Христе

вические грёзы и узоры жизни осторожной». Ничего не получалось, и светлый Ангел бросил ей три волоса из голубиной нитки. Девка сплела их в «радужную нитку» и три дня вышивала «узоры жизни терпеливой, мудрые священные узоры». А потом призвала «на погляденье» народ. Люди назвали увиденное счастьем, дети – радостью, самый ста-

рит гордо, громко и призывно. В горести ей помог Ангел, осенил её труд, но в торжестве эта божественная помощь забыта: «Вот мои узоры!...». Тут определённо слышится ветхозаветное эхо: «...откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3, 5). А ведь вышивала девка «узоры жизни терпеливой, мудрые священные узоры».

рый – Божьей тайной. Сатана покусился на чудо и зачернил зелёную нитку. И в «узорах» это повреждение осталось навсегда. Духовно зоркий человек его видит – глаза счастливых тёмного следа не замечают.

Перед нами не совсем понятная по смысловой отсылке история, и потому для её верного истолкования так важны мельчайшие детали.

Прежде героиня стихотворения была кроткой и простодушной, жила бедно («крылечко», «низкая ступенька»), вышивала при свете дня на пороге родного дома. Мечтала об удачном замужестве, о робком входе-

Прежде она «не могла увидеть даже нитки, а не то чтоб ангела на небе», у неё даже не было мольбы и надежды на помощь, лишь одна кручина. И этого оказалось достаточно для того, чтобы «светлый ангел порадел о девке»:

Постучал по голубиной нитке –
Выпали три волоса на землю,
Три закладки меж страниц священных.
Первый волос золотой, как нива,
А второй серебряный, как месяц,
Третий волос синий и зелёный,
Словно море в разную погоду.
А меж ними облака стояли,
Полыхали тихие зарницы.

Крона царяла цветами. Они волновали
Красным, оранжевым,
жёлтым отливом в начале,
А фиолетовым, синим, зелёным – потом.
Каждый узор выступал
то цветком, то плодом.

Рядом стояло, мерцая плодами познания,
Вечное древо –
таинственный знак мироздания.

Обратим внимание на изменение цвета волшебного волоса: зелёное становится более тёмным, попутно и голубизна неба теряет свою просветлённость. Таким обра-